

Миронов Андрей

Новая газ. - 2001. - 12-18 марта. - с. 15

1987 год, 17 августа, гости театра «Современник» — Хабаровск. Здесь 16 часов, в Москве 8 утра. Звоню Табакову из автомата. Прими, Олег, телепрограмму:
Дурачине по причине очень давнего восторга, мне не спится

на границе очень Дальнего Востока. Дорогой мой Табаков, будь здоров со всех боков!

Вместо веселого ответа — ужасное сообщение. Чем живет сегодня Москва: умер Андрей Миронов. В Риге, на гастролях, через пять дней после смерти Анатолия Папанова. Настоящее черное горе. Оно амортизируется дальностью расстояний, долго кажется бредом...

В «Известиях» было сказано, что Миронов умер на сцене — как Мольер. Страшно — на руках ближайшего друга — Шуры Ширвиндта. А Гриша Горин сопровождал движение машины в Москву, и население и милиция салютовали по всей тысяче километров пути.

Уже в предсмертном состоянии, в «скорой помощи», он произнес последний монолог Фигаро и умер, не оставшись у зрителя в долгу. Он ведь упал на сцене и не договорил монолога... Как Мольер.

Он был сразу хороший артист. Сразу, с 1958 года, когда поступал к нам, в Щукинское училище. Авторитет его родителей был столь высок, что трудно понять, где кончалось удовольствие видеть их сына, а где начиналось лицемерие его собственного обаяния.

...На щукинских вечерах, как и по всей стране, робко возрождались культура западного танца. Раскованно буйствует в «бути-роке» один Андрияш Миронов (из мужского персонажа). Первокурсник легко летает, грациозен, европейский шарм подчеркнут самоиронией — словом, хорошо смахивает на тех «стилягов», которых журнал «Крокодил» еще пару лет назад «смакнул» с нашего победоносного пути. Впрочем, в одежде Андрей весьма строг, подтянут и совсем был бы похож на лорда, если бы не краснел на каждом шагу. Девичий стыд, надо признаться, делал его простым, неизбалованным паренком... Одна из любимых педагогов, А. В. Брискиндова, обратила наше внимание на младшего щукинца: Андрей ежесекундно и всепогодно, не для показухи, а по личному кодексу, — выбрит, причесан, при галстукке и при крахмальном воротничке... Причем не какой-нибудь полукрахмал, а тугая жесткость: ошейник аристократа...

Стороннее наблюдение за Андреем могло вызвать ложную обиду: «Ты не слишком зазнаешься, юноша?» Виноваты, конечно, и комплексы «стороннего», и сумма внешних примет — фасонистая выправка, дружинистое парение над толпой и небрежное скольжение в речи, где запросто слагаются репризы.

Но при близком общении все по-другому. Детская дотошность в расспросах о жизни, о семье, о театре, о вкусах, о слухах, о твоём личном мнении... Умение хорошо вслушиваться, вглядываться в собеседника, а рядом — искренняя пренебрежительность к славе, «успехам». Всегда памятливы к общим встречам и очаровательно благожелателен. Даже в мрачном расположении духа — готовность отозваться на юмор, отдаться течению импровизации, словесного перепала. И думашь о нем: «Не слишком ли он скромнен и прост для всенародного любимца?»

...На хабаровских гастролях грустно возвращаю артисту Антону Олеговичу Табакову воспоминание о его детском признании. Маленького Антошку

спрашиваю, кого после отца он считает великим актером? Или лучшим? Любимым? Ответ показался тогда пижонским забиячеством: «Я, дядя Вень, вообще никого не считаю, кроме Миронова, он для меня самый первый — Андрей Миронов — среди всех вообще!» Сокрушенно кивает Антон Олегович; так и было, так и есть. И только что звонил в Москву, разыскивал Ларису, жену своего кумира.

Начало 70-х годов — много-много счастливых вечеров в доме нашего общего

«несло», как Остапа Бендера с голодухи, — такой прием, такой народ, такой фурор... Остапа с голодухи, а нас — от любви. Все были прекрасны — и Ахмадулина, и Окуджава, и Юрский, и Арканов, и целые коллективы, и представители с «адресами», ну и, конечно, Валентин Гафт — ведущий вечера. Они только что отыграли булгаковского «Мольера» («Кабала святош»), которого друг Миронова и поставил, и сыграл. Там в финале (как теперь оказалось) Кваша — Мольер умирает на сцене, точно «как Андрей Миронов»...

он ухитряется оставаться самим собой — изящным, пластичным, как циркач, и обаятельным, как Миронов!..

В тот же год, весной, я летал дважды в Ялту к моему товарищу Александру Митте на съемки его фильма. Как часто бывает у нас, я дал себя обморожить клятвами типа «картина погибнет, если ты не сыграешь эту роль», «роль гениальная, хотя в сценарии ее почти нет», «она небольшая, но от таких ролей мастера не отка...», «только ты один, не считая, может быть, Марлона Брандо, да и он не вытянет»... Словом, выворачиваясь в театре, бюллетень тебе в тоску, но летишь, дабы спасти судьбу шедевра СССР и Канн-

Вениамин СМЕХОВ

УМЕР, КАК МОЛЬЕР

Андрей Миронов ушел из жизни через пять дней после Анатолия Папанова. В образе бессмертного Фигаро

друга Игоря Кваши. Собрание громких имен — и актеров, и художников, и врачей. И Гриша Горин, и Слава Голованов, и открытие огромной мастерской на троих (Л. Збарский, Б. Мессерер, В. Красный) на ул. Воровского... Я ощущаю себя случайным зевакой на этих карнавалах талантов, где Андрей всегда бывал в центре как веселых, так и серьезных разговоров. К тому же он один из первых (как и сам Кваша) владел магией автомобильных терминов, что по тем временам казалось столь же мудрым, как и космонавтика.

...На вечере 4 февраля 1983 года в «Современнике» Андрей со своим партнером Александром

Гафтом в полурасстегнутом костюме Людовика был звонок и шедр на комплименты. Вся труппа, сидя на сцене, была летски смешливой. Особенно юбиляр, который задыхался от хохота и бил каблуком об пол... Так вот, ликом вечера, его триумфальной развязкой был финал: Ширвиндт без единого слова играет на скрипке, бережно возлагая под шеку иссиня-чистый платок; Кваша, задерганный слушник, невпопад вторит припеву, а всей песенной галиматией сухо дирижирует Миронов. Он дирижировал скрипачом и пробами сил юбиляра, куплетами-припевами и перерывами на гомеорические раскаты публики... Он действительно довел до слез,

скового фестивалю... Все это — из области суеты. Так сказать, винювата суета, а не ланная Митта... И вот съемки «Сказки странствий» и мое мелкозернистое участие дали возможность наблюдать «младшекурсника» в работе. В дневнике я записал, что Андрей неумоимо послушен мучителю Александру Наумовичу. На площадке почти не заметен стаж его популярности, он умеет беречь в себе стартовое, дебютное самочувствие. Любит, можно сказать, быть учеником. Это не всегда удается, но я с удовольствием замечаю исполнительское достоинство и моментальную отзывчивость в репетициях к съемке. А уж когда объявлен «мотор» — тут у Андрея точность без изъяна. Ни на

ся дети, с ними — парочка отдыхающих дефективных дамочек, и актер раздает автографы. В его глазах — привычная вежливая тоска. Наш разговор развалился, и теперь мы дружно спрягаем и склоняем режиссера, которому приятнее солнце не мешает носиться, ругаться без отдыха и тени. А вечера прекрасны. Ужины в гостинице «Ялта», споры и сговоры в пользу завтрашней смены... Рассказу Андрея о параллельной съемке в Ленинграде я не придал того значения, которое имеет теперь в моей душе и его роль, и весь фильм Алексея Германа об Иване Лапшине...

Самый памятный день — 16 июля. Рано «отстрелялись», новости в Мисхоре дочку Андрея Машеньку и тут же, двумя террасами выше, над морем, расположились на даче Вадима Туманова. Андрей очарован уютно и миром дома, и сада, и кухни с банькой, а перед телевизором в гостиной, направив на себя мощный вентилятор, замирает в блаженстве: «Я отменяю съемки, передай моему Митте. Я всю жизнь искал эту точку на планете. Мечта идиота: покой, изоляция, диван и телевизор с вентилятором. Я счастлив, а ты?» Весь вечер, что мы просидели под виноградными плетениями, уничтожая плоды гостеприимства хозяев, показавшись одним из самых славных и добрых в жизни.

У меня сошло в одну чашу радости: начало отпуска в театре, канун дня рождения жены, дорогой мне мир Владимира Высоцкого (в честь его пристрастия к этому дому и была приобретена дача другом поэта, Вадимом), любимый Крым, принудительно отдыхающий Митта... И разумеется, особую приподнятость настроения я отношу к факту присутствия Андрея. При многолетней привычке ощущать какую-то дистанцию между нами я всегда, издалека или ближе, как-то теплел «щукинским родством», мне в нашем знакомстве было дорого все, что нас соединяло, и все, что не соответствовало клише «кумира» и «кинозвезды». На этот вечер 16 июля ласковый ангел Тавриды (выразимся высокопарно) подарил мне замечательного Андрияшу Миронова. Такого, каким он был, видимо, для всех своих друзей. Добавлю на основании единичного опыта: для счастливых.

В последнем разговоре, в мае 1987 года, возле служебно-

Андрей Миронов. Человек с бульвара Капуцинов остался мистером Фёрстом

ром Ширвиндтом завершали праздник пятидесятилетия Игоря Кваши. Атмосфера в доме на Чистых прудах была примерно такой, какую сама Фея могла заказать Золушке — к ее пятидесятилетию. Бывает иногда в театре такое стечение обстоятельств, что полный зал разного народа живет единым дыханием, когда все как один счастливы и у всех один кураж, одна печаль, одни и те же ассоциации. Слово все играют в одну и ту же игру, у всех разом «ложится карта». Всех, кто в тот вечер выходил на сцену — поздравлять, зачитывать или остеречь от себя, — всем и каждому везло. Меня, например,

истерзал Квашу, пока тот не выучил и не спел припев гимна про себя самого. Куплет идеально исполнил Андрей, успева на ходу глазами и телом намекнуть имениннику на скорый приход припева... вот-вот... вступай, брат! Опять не попал... Зал грохочет, юбиляр иступленно лягает каблуком сцену. Труппа изнемогает от хохота... И только двое невозмутимы, как часть неживой природы: мрачен фразный скрипач, по знаку дирижера снова бросая подбородок на плечо, и алдски серьезен Андрей в своем просветительском рвении — научить Квашу петь причитающийся ему гимн. При всем том

долю секунды, ни на полвершка вправо, ни на полтона ниже — ни в чем не отступит от просьбы режиссера. Он впервые у Митты, он привык к другому режиму, его природа пропитана духом импровизации, но он послушен воле режиссера. В этом и достоинство профессии. Обеденный перерыв. Мы спасаемся в зыбкой тени декораций. Далеко внизу режет своим блеском наши усталые глаза Черное море. Очень жарко, мы оба раздражены, каждый по-своему; однако новости театра и жизни, общие темы и друзья — все это приводит нервы в штилевое состояние. Потом, как индейцы с гор, к ногам Андрея сваливают-

го входа в его театр мы говорили о новостях. Андрей, мне кажется, всегда охотно переклюкался на волну собеседника... В моем случае назовем это даже волной идейного занудства. Назначение Николая Губенко на Таганку. «Самобийца» Эрдмана. Что будет, что есть, что было. И я назвал лучшие для меня, зрителя, работы Андрея в театре. Более всего — Жадов в «Доходном месте», постановка Марка Захарова. Под занавес 60-х годов спектакль был запрещен, и с ним вместе лишилась своего развития, быть может, важнейшая грань таланта артиста.

В ту же Ригу, где случилось несчастье, два года назад мы ехали втроем, и очень весело... Я морочил ему голову борьбой с никотином, он за это смешил мою Галю разоблачительными этюдами на тему занудной идейности ее мужа — еще с институтской, мол, скажи! — а в тамбуре мы совершили перекур и печальный обмен тогдашними новостями об обоих театрах. А в купе продолжались веселые речи и шаржи... Июльский вечер в Крыму, как водится, был детально и гиперболически помянут добром и хохотом. Андрей уморил нас изображением бедного Саши Митты, которого и в глаза, и за глаза объявлял пядучим советским режиссером: за панику в работе, презрение к отдыху и, конечно, за обморок в банке, до которого довел себя сознательно, которым гордился, а нас весь вечер укорял за невежество в области банных обмороков...

В Риге Андрея почему-то не встретили, отчего мой брат и друг получили приятный шанс «комфортно» артиста транспортом и завтраком в отеле «Латвия». Через пару дней мы, как договорились, наведались к Андрею в санаторий «Яункемери». Мама, Мария Владимировна, возмущенно описала дикий режим «отдыха» ее сына и доказала, что «звезды» ее поколения были не такими доступными и разбросанными психопатами, как эти «звезды»-дети... Я в ответ утешил ее рассказом о собственной дочери.

Начало 70-х годов, поселок на Пахре под Москвой. Я гуляю с Аликой — дочкой-пятилеткой, егозой и худышкой. Остановка на аллейке. Папа увлекся беседой с чужими тетей-дядей. Дочь рвется из рук. Я крепко держу ее за руку, не уступаю смеяться и продолжать скучнейший, с ее точки зрения, разговор — опять о «Таганке», о какой-то «Сатире», об Эрдмане и Утесове, об эстраде и о каком-то Хазанове, выступавшем в Кремле у кого-то на семидесятилетии... Дочь уже изнемогает, скулит и ташит меня в дом, к обеду. Я извиняюсь, прошуюсь с незнакомыми ей людьми и шлю привет их сыну Андрияше... Через пару шагов Алика замерла от разгадки: «Какой-какой Андрей? Миронов? Это, что ли, мама Андрея Миронова?! И папа?!» И восторг, и отчаяние, и срочный порыв в их сторону — разглядеть чудачков, которых кумир награждал правом его родить... И конечно, я в результате получил первый выговор от малютки: «Как тебе не стыдно! Ты же знал и не сказал, что это Андрей Миронова мама! Это мне теперь делать?» Думаю, назавтра в детсадишке она сообразила, что делать, и юные коллеги моей дочери получили яркую картину ее встречи с Егор родителями... Так замкнулось время: в пятидесятых глядеть на сына мешало очарование родительской славы, а в семидесятых наши дети с обожанием и завистью взирают на тех, кто «лично знаком» с Андреем Мироновым... Сомкнулась радуга фамильной легенды.

211 18.03.01